

Незаживающая рана

Кровь на руках Ли Чуйханя медленно застывала на морозе. Поместье маркиза Чаньин находилось недалеко от императорского дворца, но он шёл нарочито медленно.

В праздничную ночь улицы были полны народа. Мужчины, женщины и дети в нарядных одеждах смеялись и шумели, создавая атмосферу всеобщего веселья. Торговцы наперебой расхваливали свой товар: фонари, сахарные фигурки, резные картинки из бумаги.

Воздух был пропитан сладким ароматом ягод в карамели и жареных шариков из клейкого риса. Дети, останавливаясь у лотков, тянули родителей за рукава, выпрашивая лакомство. Люди опускали в реку фонарики в виде лотосов, и их огоньки, качаясь на волнах, уносили с собой надежды на новый год.

Ли Чуйхань шёл под снегопадом, и белые хлопья покрывали его с головы до ног. Холод помогал сохранять крупицы ясности и немного умирал бушевавший в сердце гнев. Он не хотел приносить в дом свою ярость.

Вернувшись в кабинет, маркиз почувствовал, как снег на одежде начал таять от тепла. Вскоре он промок почти насквозь. Сняв наручи, Ли Чуйхань велел принести ему сменную одежду.

В этот момент в дверь постучал стражник:

— Господин маркиз, пришёл наследник.

— ...Впусти.

— Слушаюсь.

— В Далисы сейчас затишье? — спросил Ли Чуйхань.

Видя, что Ли Юньхуань целыми днями слоняется без дела, он искренне недоумевал. Маркиз неплохо изучил этого приёмного сына и знал: тот лишь на словах ратует за сдержанность и приличия, а на деле мечтает о смерти отца. Тогда юноша сможет осуществить свою заветную мечту — жить с матушкой «вдвоём», полагаясь лишь друг на друга.

Будь на то воля Ли Чуйханя, он бы не стал держать в поместье эту бомбу замедленного действия, которая в его глазах ничем не отличалась от чужака. Если бы не прикончил мальчишку втихую, то уж точно выставил бы за ворота, предоставив самому себе.

Но однажды, когда Ли Чуйхань заговорил с Ши Лю о том, чтобы Ли Юньхуань начал самостоятельную жизнь, тот лишь слегка нахмурился. Бросив на супруга холодный, лишённый эмоций взгляд, Ши Лю сказал:

— Если один из вас двоих должен уйти, я бы предпочёл, чтобы это был ты.

Ли Чуйхань: ...

Так этот вопрос и остался нерешённым, превратившись в занозу в сердце маркиза. Это напоминало ему: из-за собственной оплошности он позволил мальчишке занять в душе Ши Лю место, равное его собственному. Конечно, Ли Чуйхань никогда не признает, что влияние наследника, возможно, уже превзошло его собственное.

— Сейчас новогодние праздники, работа начнётся через несколько дней, — легкомысленно ответил Ли Юньхуань, увернувшись от брошенного в него наруча и стряхнув с одежды пыль.

Прежде чем Ли Чуйхань окончательно вышел из себя и вышвырнул гостя вон, юноша перешёл к делу:

— Кстати, перед каникулами было одно дело, которое меня заинтересовало. Кажется, оно как-то связано с матушкой.

Маркиз, вытиравший волосы, на мгновение замер и бросил на сына резкий взгляд:

— Говори прямо.

— В управу обратилась старая дворцовая служанка, которую отправили на покой по возрасту. Она заявила, что её соседка украла украшение вдовствующей императрицы, и потребовала правосудия.

— И какое это имеет отношение к Юй'эр?

Наследник нежно перебирал пальцами нефритовую подвеску на своём поясе. Эту вещицу вырезала для него матушка собственными руками.

— По словам служанки, украденное украшение — это нефритовое кольцо, изготовленное в своё время семьёй Ши, богатейшими купцами Янчжоу. Их уникальная техника ныне утеряна. Узор в виде цветка граната на этом кольце совершенно особенный, и сейчас его никто не может повторить, так что женщина уверена, что не ошиблась.

Услышав это, Ли Чуйхань похолодел.

— И с чего она взяла, что оно принадлежит Вань Инун? — с сарказмом произнёс он. — Разве эта женщина из клана Вань достойна подобного?

Затем он спросил Ли Юньхуаня:

— Это дело продолжат расследовать после праздников?

— Да, — подтвердил тот. — Расследование только началось.

Приведя себя в порядок, Ли Чуйхань собрался идти к Ши Лю. Уходя, он бросил стоявшему у двери и любовавшемуся ночным снегом Ли Юньхуаню:

— Если тебе интересно, расследуй это дело как следует. Я знаю, что у тебя на уме. Но не дай Юй'эр узнать об этом. Он может расстроиться.

Видя, что наследник хранит молчание, Ли Чуйхань холодно усмехнулся:

— Думаю, ты тоже не хочешь видеть его огорчённым.

В конце концов Ли Чуйхань всё же прокрался к Ши Лю под покровом ночи. Он специально переоделся в лёгкую домашнюю одежду и согрелся у жаровни. Но не успел маркиз занести ногу, чтобы забраться на кровать, как Ши Лю проснулся.

Супруг обернулся и увидел Ли Чуйханя, сидящего на краю постели полуодетым.

«Я могу всё объяснить», — пронеслось в голове маркиза.

Однако Ши Лю лишь молча смотрел на него. Он казался совершенно невозмутимым и не стал препятствовать попыткам мужа забраться под одеяло.

Ли Чуйхань обрадовался, решив, что получил негласное разрешение, и одним махом улёгся рядом. Приблизившись, он властно притянул Ши Лю к себе и обнял.

— Юй'эр, ты расстроен? — прошептал он ему на ухо.

— Просто вспомнил кое-что из прошлого, — ровно ответил тот.

«Ничего хорошего, значит», — подумал Ли Чуйхань.

Он даже пожалел, что сегодня ограничился убийством лишь одного наглеца. Следовало бы вернуться и свести счёты с каждым, кто посмел подойти к Ши Лю с вином.

— Что именно, Юй'эр? — Ли Чуйхань нежно погладил его по спине. Тонкое тело источало едва уловимый, тёплый аромат. — Расскажи мне, и мы во всём разберёмся вместе.

— То вино... оно вызвало у меня отвращение, — Ши Лю повернулся и посмотрел маркизу прямо в глаза. — Я уже много лет не прикасался к вину.

Рука Ли Чуйханя замерла. Он прекрасно понял скрытый смысл этих слов.

Ши Лю всё ещё винил его. Своими словами он давал понять, что никогда не забывал о случившемся и до сих пор таит обиду. За все эти годы он так и не простил супруга за содеянное в прошлом. Впрочем, Ли Чуйхань и не надеялся на полное прощение. Он лишь хотел, чтобы Ши Лю не мучил себя, оставаясь пленником былых обид.

Именно то вино, которое Ли Чуйхань когда-то поднёс ему, привело к их случайной ночи, к рождению ребёнка... и к их браку.

Но оба прекрасно понимали, что то вино не было случайностью. Это был расчёт Ли Чуйханя, его жестокий и нисенный способ привязать Ши Лю к себе, чтобы достичь своих целей. Именно поэтому в сердце Ши Лю всегда жила горечь.

Раньше семья строго воспитывала его, боясь, что юноша пристрастится к дурным привычкам, и запрещала ему прикасаться к алкоголю. Ши Лю впервые решился попробовать вино лишь потому, что доверял своему «хорошему другу».

И из-за этого доверия его жизнь была насильно изменена. С тех пор он больше никогда не пил.

Тогда все вокруг обвиняли его в том, что ради богатства и власти он пошёл на всё, называли его коварным и расчётливым. Но никому не было дела до того, какую боль он на самом деле испытывал.

Ли Чуйхань, занятый тем, что прибирал к рукам дела семьи Ши в Янчжоу, не мог быть рядом. Когда он вернулся, у Ши Лю уже начали проявляться признаки глубокой депрессии.

Каждый раз, вспоминая об этом, маркиз раскаивался. Если бы он заметил всё раньше, если бы обратил внимание на то, как угасает взгляд супруга...

Возможно, им удалось бы спасти их дитя.

Но, по горькой иронии, Ли Чуйхань в то время был опьянён успехом. Его многолетняя

шахматная партия наконец-то подходила к финалу. Огромное приданое Ши Лю решило проблему с нехваткой продовольствия для армии, возникшую из-за мятежа. Махинации клана Вань в Янчжоу были раскрыты, и даже самый недалёкий император был вынужден наказать их.

Некогда всесильный род Вань был сломлен. Вань Инун заперли во дворце Фэнъи без права выхода и возможности вмешиваться в дела престолонаследия.

Цель, с которой Ли Чуйхань попал в этот мир, была достигнута более чем наполовину. Теперь он стал самым могущественным человеком в империи. Многие ожидали, что он провозгласит себя императором, но, к общему изумлению, Ли Чуйхань лишь исполнил волю прежнего императора. Он возвёл на трон третьего принца Вэньжэнь Сяншэна, а сам сосредоточился на роли князя-регента.

Хотя маркиз и не вернул власть, оставив на троне марионетку. Даже титул князя-регента был скорее неофициальным признанием со стороны чиновников.

Тем не менее люди без устали восхваляли его поступки, превознося за бескорыстие, верность престолу и нежелание видеть народные страдания. Впрочем, они сами вряд ли верили в собственные слова.

Гарем прежнего императора опустел после мятежа, устроенного императрицей Вань и её семьёй. За такое преступление её неминуемо ждала кара, но Ли Чуйхань заключил с ней сделку, о деталях которой никто не знал. В результате Вань Инун смогла благополучно занять место вдовствующей императрицы.

Впрочем, с тех пор эти двое больше не пересекались.

Когда Ли Чуйхань, окрылённый триумфом, вернулся домой, его встретило страшное зрелище. Ши Лю, едва живой после выкидыша, лежал в постели.

Его Юй'эр, с тёмными прядями волос, рассыпавшимися по груди, неподвижно лежал с закрытыми глазами. Дыхание его было настолько слабым, что казалось — он больше никогда не проснется.

<http://bllate.org/book/15976/1441700>